MILHIST
INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск III

Военно-морская история

(от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны)

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2014

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Специальный выпуск. III. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны) — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_3>

© www.milhist.info

© Виноградов С.Е.

MILHIST
INFO

Виноградов С.Е. Первое сражение линейных сил в Великой войне: бой у мыса Сарыч 5/18 ноября 1914 г. (новые источники и новое прочтение)

На основе анализа отечественных и немецких архивных источников, мемуаристики и международной историографии темы, автор статьи заново рассматривает обстоятельства первого боя тяжёлых артиллерийских кораблей в Первой мировой войне - линейного крейсера "Гебен" ("Явуз Султан Селим") и линкора "Евстафий".

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2014/12/26/vinogradov

Ссылка для печатных изданий:

Виноградов С.Е. Первое сражение линейных сил в Великой войне: бой у мыса Сарыч 5/18 ноября 1914 г. (новые источники и новое прочтение) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2014. - Специальный выпуск III. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны) — Ч. I. – С. 1-20 <http://www.milhist.info/2014/12/26/vinogradov> (26.12.2014)

www.milhist.info

2014

С.Е. Виноградов

ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ ЛИНЕЙНЫХ СИЛ
В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ:

БОЙ У МЫСА САРЫЧ

5/18 ноября 1914 г.

1 августа сего года исполнилось столетие с тех пор, как Германия объявила войну России. Спустя всего несколько дней мир погрузился в глобальный конфликт, обернувшийся многолетним жестоким военным противостоянием. Вместо прежних государственных границ Европа на суше и на море внезапно оказалась рассечена тысячекилометровыми фронтами. Свыше четырёх лет длилась эта великая трагедия, навсегда изменившая лицо мира. С тех пор были написаны монбланы литературы, повествующие о причинах, ходе и итогах Первой мировой войны. Однако значимость этого грандиозного события, его влияние на судьбу десятков народов и стран, сотен миллионов людей столь огромны, что и по прошествии века всё новые поколения историков продолжают искать ответы на вопросы, порождённые в те далёкие годы. Сюда относятся и проблемы использования вооружённых сил на театрах военных действий, изучение которых позволяет вернее понять происходившие событий и их последствия.

Немало неясного остаётся и в части боевых действий на море. Суть использования военных флотов в корне отличалась от сухопутной войны, характеризовавшейся прежде всего применением крупных масс живой силы, поддерживаемых артиллерией. При тогдашнем зачаточном состоянии самодвижущейся военной техники и боевой авиации влияние последних на ход войны на суше на первом этапе оставалось минимальным. Иное наблюдалось на море. Боевые корабли, которые

сошлись в сражениях мировой войны, представляли собой крупнейшие инженерные системы, созданные на пике новейших научно-технических разработок. Они являлись носителями всех мыслимых на тот момент инновационных технологий, средоточием самых последних достижений в металлургии, машиностроении, энергетике, химии и электротехнике. Неуклонный прогресс средств нападения и защиты довёл стоимость создания наиболее значительных из тогдашних боевых кораблей — дредноутов и сверхдредноутов — до исключительных цифр, что вело к избирательности их применения. Именно подобный критерий зачастую являлся решающим при использовании в операциях крупных линкоров и линейных крейсеров дредноутного типа. Исследованию влияния этого фактора на течение и исход первого крупного боестолкновения на Чёрном море осенью 1914 г. посвящена настоящая статья.

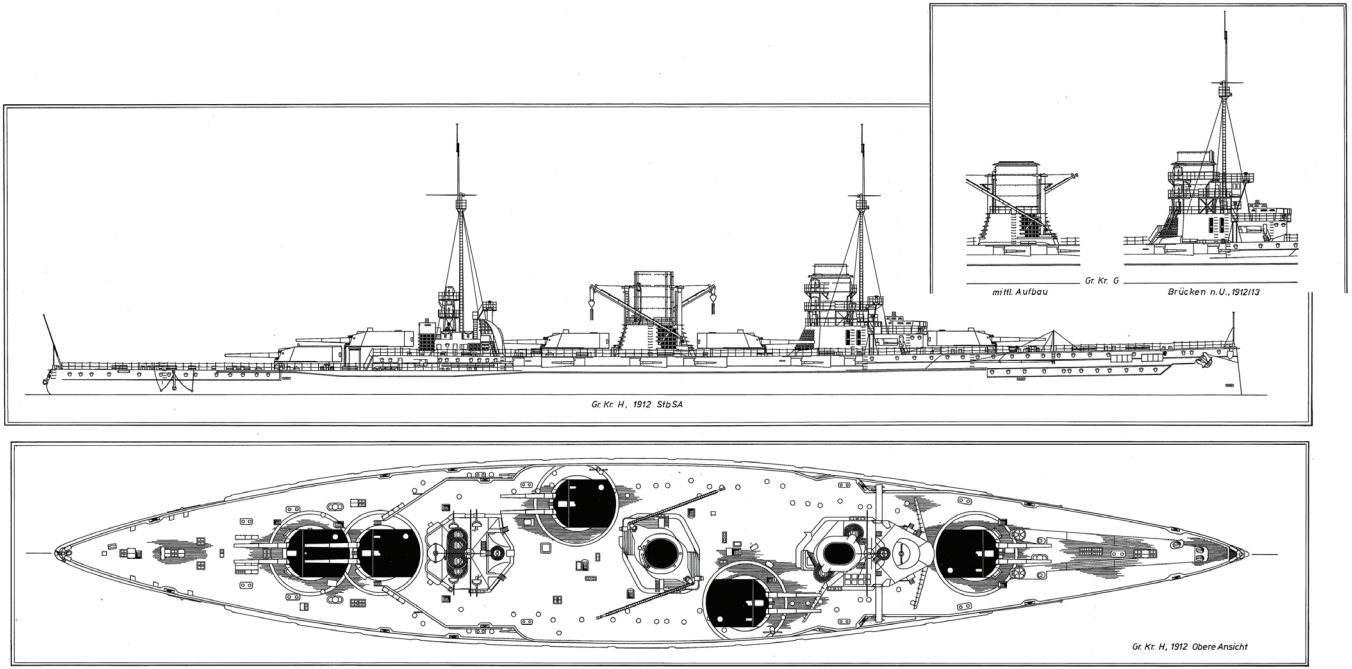
5/18 ноября 1914 г., в 30 милях к зюйду от самой южной точки европейской России — крымского мыса Сарыч, произошла спонтанная встреча русского и германо-турецкого оперативных соединений. Она обернулась первым боем тяжёлых артиллерийских кораблей в Великой войне 1914–1918 гг. и свелась к короткой схватке между их флагманами — линейным крейсером «Гебен» («Явуз Султан Селим») и линкором «Евстафий», не принёсшей решительной победы ни одной из сторон. За прошедшие 100 лет этот сюжет не раз освещался в историографии. Несмотря на многообразие статей, мемуаров и исследований он до сих пор является одним из самых парадоксальных и малопонятных боевых эпизодов в истории боевого применения тяжёлых броненосных кораблей. Его общепринятая трактовка оставляет без ответа ряд принципиальных вопросов о деталях боестолкновения, действительном количестве и характере повреждений, полученных противниками, влиянии этого на их образ действий.

Традиционные точки зрения, воспроизводимые в русской и германской (западной) историографии, отличаются мало. Считается, что следующие встречными курсами соединения неприятелей, не подозревая о присутствии друг друга, внезапно столкнулись буквально нос к носу, но успели развернуться в боевой порядок и провели короткий 14-минутный бой на курсах, близких к параллельным. С «Гебена» зафиксировали несколько тяжёлых попаданий во флагманский

«Евстафий», русские также отрапортовали о неоднократном поражении вражеского дредноута, что якобы подтвердилось впоследствии из агентурных источников, сообщивших о тяжёлых потерях в его личном составе (115 убитых, 59 раненых)[1]. Основное различие имеется в вопросе об итогах боя — русский взгляд состоит в том, что неприятель, получив значительные повреждения и понеся чувствительные потери, быстро ретировался с поля боя, не использовав возможность добить своего существенно более слабого противника. Западная точка зрения в корне противоположна и выражается размытой в смысловом отношении фразой из официального германского описания войны на Чёрном море: «русский флот, как видение, скрылся в тумане». То есть прозрачно предлагается понять, что именно он первым дрогнул и отступил.

Уместно вкратце напомнить ключевые факты и обстановку, предшествующие этому боестолкновению. Основные линейные силы русского Черноморского флота перед началом войны были представлены тремя линкорами-додредноутами постройки 1905–1911 гг. («Пантелеймон», «Евстафий», «Иоанн Златоуст»; водоизмещение каждого 13 тыс. т., главная артиллерия по четыре 12-дм орудия). Они были сведены в однородную в тактическом отношении 1-ю линейную бригаду. Ещё два корабля постройки 90-х гг. XIX в. — «Три Святителя» и «Ростислав» (2-я бригада) были годны для применения во второстепенных операциях, причём первый также имел четыре 12-дм орудия и использовался в качестве запасного корабля для 1-й бригады.

Основной их противник обозначился в августе 1914 г. Им стал новейший германский линейный крейсер «Гебен», осенью 1912 г. сразу после постройки в Гамбурге переведённый в Средиземное море, где была сформирована отдельная дивизия кайзеровского флота в составе «Гебена» и малого крейсера «Бреслау». Задачей этого соединения было поддержание средиземноморских интересов Германии и, в частности, военно-морское присутствие у берегов Турции, с конца 1900-х гг. находившейся под усиливающимся немецким политико-экономическим влиянием. К 1914 г. все ключевые командные должности в Оттоманской армии занимали германские генералы и офицеры, стамбульское правительство, возглавляемое младотурками, придерживалось откровенно пронемецкой ориентации. Для кайзеровской Германии



Линейный крейсер типа «Мольтке»

(Koop G., Schmolke K.-P. Vom Original zum Modell: Die grosen Kreuzer — Von der Tann, Moltke-Klasse, Seydlitz, Derfflinger-Klasse. Monch, 1998)

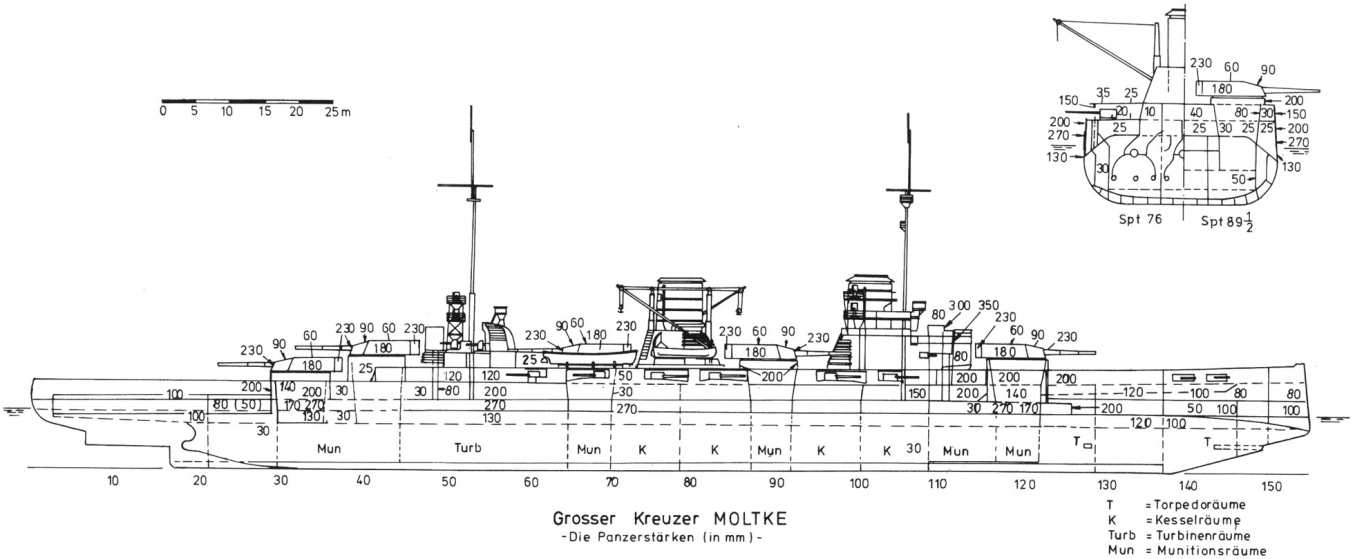


Схема бронирования линейного крейсера типа «Мольтке»

(Koop G., Schmolke K.-P. Vom Original zum Modell: Die grosen Kreuzer — Von der Tann, Moltke-Klasse, Seydlitz, Derfflinger-Klasse. Monch, 1998)

вовлечение Турции в начавшуюся войну на своей стороне позволяло решить ряд крупных задач. Прежде всего, закрыть Босфор и Дарданеллы для русского судоходства и прекратить через них сообщения России с союзниками, перекрыв поступление вооружения и военных грузов, а также прервав русский экспорт (зерно, уголь, нефть, руда и пр.) в Европу. Немаловажным было и отвлечение крупных русских сухопутных сил (до четверти млн. чел.) для противодействия турецкой армии на Закавказском фронте. Секретным договором с Германией от 2 августа 1914 г. Турция была обязана присоединиться к ней в случае войны с Россией[2].

В начале августа 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» ушли в Константинополь и были объявлены проданными Оттоманскому флоту на формально открытый кредит. Несмотря на то, что 16 августа 1914 г. корабли подняли османские флаги и получили турецкие названия («Явуз Султан Селим» и «Мидилли»), экипажи на них оставались германские. Командующий дивизией контр-адмирал В. Сушон возглавил турецкий флот, фактически поставив его под кайзеровское морское командование. Этим кораблям немцами отводилась важнейшая роль — они должны были стать ключевым элементом стратегического плана по вовлечению Турции в войну.

Появление на южном морском фланге России «Гебена» кардинально меняло соотношение сил сторон. Дредноут новейшего типа, он по мощи артиллерии был практически равен всем пяти конструктивно устаревшим линкорам русского Черноморского флота вместе взятым. При поединке один на один с «Гебеном» никто из них не имел шансов уцелеть. Только держась соединённо, русские могли противопоставить германскому кораблю совокупную мощь своих 16 тяжелых 12-дм (305-мм) орудий против его 10 11-дм (280-мм). При меньшем калибре германские снаряды ненамного уступали русским по весу (305 кг против 331), но скорость стрельбы линейный крейсер имел почти вдвое более высокую, что обуславливало его превосходство в огнепроизводительности над четырьмя русскими 12-дм линкорами. Ситуация для последних усугублялась тем, что и в случае совместного использования додредноуты не могли принудить «Гебен» к бою, поскольку кардинально уступали ему в скорости (15 узлов против 24–25). Преимущества «Гебена» состояли также в более высоком, нежели у его будущих

противников, уровне бронирования и оснащении его превосходной системой борьбы за живучесть, традиционной для тяжёлых кораблей кайзеровского флота.

После начала боевых действий в Европе в начале августа 1914 г. Турция некоторое время колебалась и занимала выжидательную позицию. В руководстве страны не было единства о необходимости немедленного выступления против России. 16/29 октября 1914 г. В. Сушон, заручившись поддержкой оттоманского военного министра Энвер-паши, решительно переломил ситуацию, выведя силы германо-турецкого флота в море и атаковав без объявления войны русское побережье в нескольких пунктах. При обстреле Севастополя утром 16/29 октября «Гебен» в течение 15 минут выпустил по городу и кораблям на рейде 47 11-дм снарядов. В русские корабли попаданий не было, но один снаряд угодил с Морской госпиталь, где убил 5 матросов[3]. Русские достигли в «Гебен» трех попаданий, результату которых в ряде работ приписывается гибель 14 человек из его экипажа[4]. В процессе этого рейда «Гебену» удалось обстрелять одиночный русский минный заградитель «Прут», который по недоразумению оказался у Севастополя и во избежание захвата противником был вынужден затопиться. После последовавшего спустя три дня объявления войны русские линкоры начали выходить в море для прикрытия действий своих лёгких сил на коммуникациях противника и у его побережья. Второй из этих выходов окончился боем у мыса Сарыч.

Утром 5/18 ноября главные силы русских, ведомые командующим флотом вице-адмиралом А. А. Эбергардом, возвращались из четырехдневного крейсерства в прибрежных водах Анатолии, где обстреляли побережье у Трапезунда. Бомбардировки турецкого побережья, массированная постановка мин в прибрежных водах, потопление ряда крупных воинских транспортов требовали ответных действий. Получив известие об отсутствии основных сил Черноморского флота в Севастополе, «Гебен» и «Бреслау» утром 4/17 ноября вышли в море с миссией «свободной охоты», целью которой был поиск и уничтожение отдельных русских кораблей, как получилось с «Прутом». Вылазке придавалось в первую очередь моральное значение — нужно было убедить турецкого союзника, что подарки кайзера Вильгельма не бездействуют. Германские корабли практически ничем не рисковали:

имея значительное преимущество в скорости, они могли избежать боя на невыгодных условиях. В море корабли контр-адмирала Сушона взяли курс на Крым. «Бреслау» выполнял роль быстроходного разведчика при своём мощном компаньоне, двигаясь впереди. Перед полуднем 5/18 ноября соединение находилось примерно на траверзе Алушты, идя остовым курсом и соблюдая радиомолчание.

В это же время русские черноморские линкоры двигались кильватерной колонной курсом 292 ½° к своей базе Севастополь (счислимое место в полдень СШ 43°59» / ВД 33°54`). Впереди них, в 15 кб по курсу строем фронта, двигались дозорные крейсера «Кагул», «Алмаз» и «Память Меркурия». Миноносцы двумя колоннами следовали за линкорами. В вахтенном журнале «Евстафия» имеется важное свидетельство об обстановке перед контактом с противником: «*Мгла, полосы плотного тумана, лёгкий ветер от норд-веста силой 1 балл, состояние моря 1 балл*»[5]. Русское соединение двигалось 12-узловым ходом, колонну линкоров возглавлял флагманский «Евстафий», за ним шли «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав». Последний был включен в эскадру специально для обстрела побережья.

Дальнейшие события развивались очень быстро. Около 12 часов «Алмаз», шедший в центре дозора, донёс о наблюдении прямо по курсу противника, опознанного им через несколько минут как «Гебен». Дозорный крейсер резко отвернул вправо и пошёл к главным силам. Получив сообщение, русский флагман несколько минут колебался в принятии решения относительно того, как производить боевое развёртывание, поскольку из-за сильной мглы и тумана не мог устойчиво наблюдать противника и выяснить его курс и скорость.

Для открытия огня обеим сторонам, перед этим быстро сближавшимся практически в лоб, требовалось привести неприятеля на выгодный курсовой угол. Для обоих противников этот угол располагался вблизи траверзных направлений. Инициатива была проявлена А. А. Эбергардом, первым приказавшим начать разворот влево с тем, чтобы по возможности оказаться между неприятелем и Босфором. Определённо, решение русского флагмана оказывалось лучшим в данной ситуации. Поворотом своих линкоров на 8 румбов (90°) он как бы приглашал немцев сразиться на привлекательном для них курсе в общем направлении на Босфор. При следовании же «Гебена» прежним

курсом и проходе под кормой русской колонны тот попадал в гущу дюжины русских миноносцев и мог подвергнуться страшному удару из полусотни торпедных аппаратов. Следует признать, что в решении А. А. Эбергарда заключалась и изрядная доля личного мужества — адмирал не мог питать иллюзий относительно того, что предстояло вынести его флагманскому кораблю через несколько минут, когда он должен был оказаться под концентрированным ударом всей тяжёлой артиллерии неприятельского дредноута. Таким образом, русские стремились реализовать свою довоенную тактическую заготовку, смысл которой, по словам видного черноморского офицера капитана 1 ранга А. В. Городыского, заключался в том, что «*„Гебен" обрушился [бы] всей силой на „Евстафий", а „Златоуст", „Пантелеймон" и „Три Святителя" (и то, что оставалось бы от „Евстафия"), попытались бы задавить „Гебена"*»[6].

Очевидно, что на «Гебене» в тот момент совершенно не предполагали уклоняться от столкновения. «*Наконец давно желанная возможность померяться силой с врагом, казалось, представилась*», — отмечает официальная германская история[7]. В. Сушон принял решение развернуться в направлении нового курса «Евстафия», что теоретически давало возможность, с учётом подавляющего преимущества немцев в скорости, выйти в голову русской колонны для ее охвата и завоевания тактического преимущества. В случае успеха этого манёвра вся орудийная мощь «Гебена» обрушивалась на головной русский корабль, повторяя сценарий японского адмирала Того при Цусиме.

Однако события разворачивались слишком быстро для удобной реализации подобного замысла. В процессе выполнения охвата «Гебену» требовалось развить полный бортовой огонь по головному русскому линкору, поскольку практически каждое мгновение работало против него — спутники «Евстафия», последовательно завершая разворот на боевой курс ему в кильватер, сразу вступали в дело, так что совокупная мощь их 12-дм артиллерии стремительно росла. Всё решали минуты, если не секунды: добейся «Гебен» быстрой победы над русским флагманом, дело могло быть продолжено, в противном случае оно становилось достаточно рискованным.

Поскольку инициативу в развороте на боевой курс первым проявил «Евстафий», он же на какие-то минуты раньше «Гебена» оказался готов

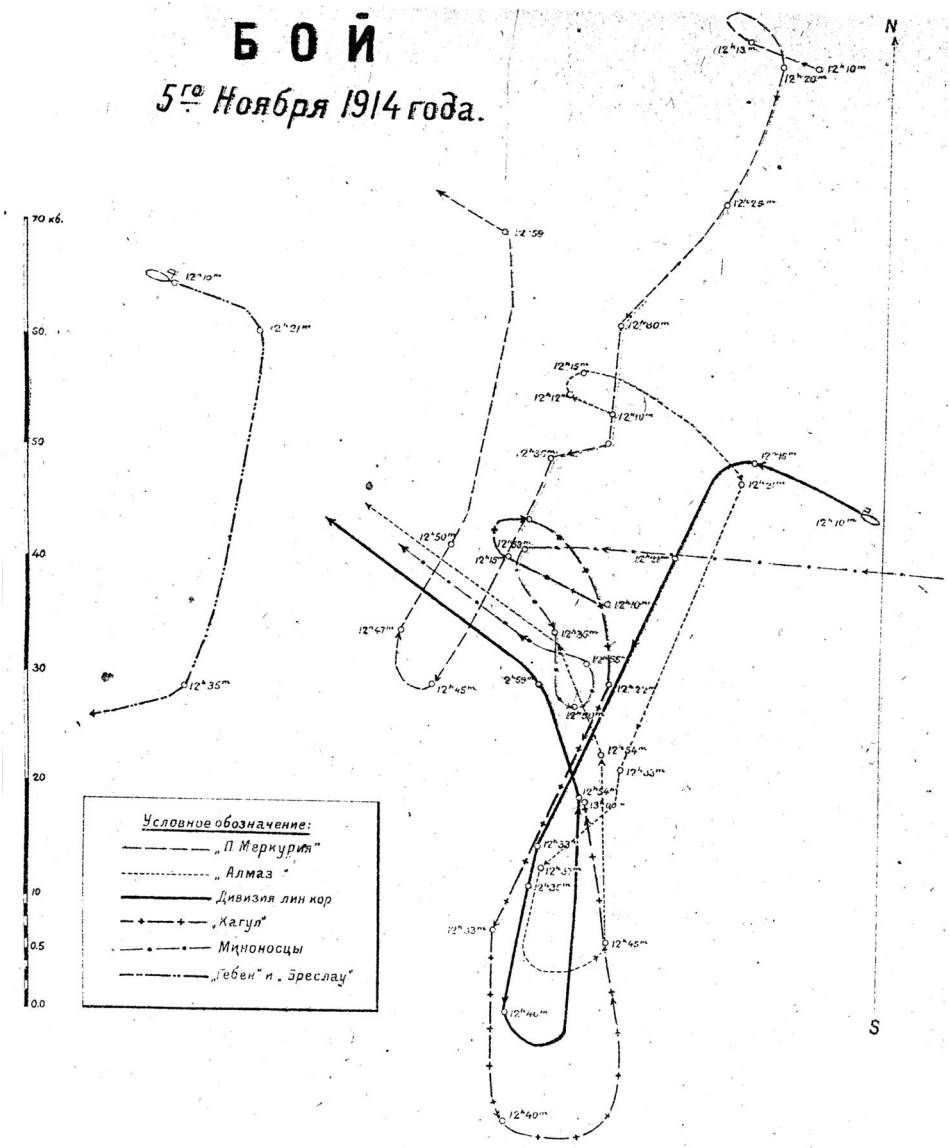


Схема боя у мыса Сарыч 5 ноября 1914 г.
Составлена флагманским штурманом штаба Черноморского флота старшим лейтенантом Г. В. Свирским, чертил лейтенант Н. А. Рябинин (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 836. Л. 21, 22)
Впервые схема опубликована в статье: В. Л. Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен»: Бой 5 ноября 1914 года (По воспоминаниям и донесениям) // Морской сборник. 1920. № 8–9. С. 13–23.

и открыть огонь. К тому же дредноуту после последующего разворота, на котором он терял до 60 % скорости хода и получал крен до 9°, требовалось ещё некоторое время для выравнивания и выработки параметров стрельбы[8]. Это и оказало определяющее влияние на дальнейшее развитие событий.

Около минуты после завершения своего поворота вице-адмирал Эбергард колебался с командой на начало стрельбы, поскольку существовавший метод поражения противника сосредоточенным огнём требовал нахождения на боевом курсе всех трёх кораблей 1-й бригады, ещё не закончившей разворот[9]. В 12:17, когда «Гебен» был приведён на курсовой угол правого борта 90°, на «Евстафии» наконец определились с дистанцией. Как только следовавший за флагманом «Иоанн Златоуст» закончил поворот и вступил в кильватер, Эбергард приказал открыть огонь, не дожидаясь третьего в строю — «Пантелеймона». Пристрелочный залп «Евстафия» в 12:20 из двух 12-дм орудий (по одному из каждой башни) сразу достиг цели — один снаряд попал, по наблюдению русских, «*под переднюю трубу; был виден огонь и затем густой чёрный дым, как будто выходивший из основания трубы и батареи*»[10].

Здесь необходимо сделать краткое отступление о курсе «Гебена» в момент его поражения снарядом, что представляется принципиально важным для понимания дальнейшего хода и исхода боя. В российской историографии общепринято зафиксированное в ряде основных работ о бое 5/18 ноября утверждение, что дредноут получил попадание ещё в процессе сближения, до его разворота на боевой курс[11]. Эта версия происходит из русских рапортов о бое, объяснение её очевидно — русские не могли ясно видеть, куда именно попал снаряд: мгла, клочья тумана и стелящийся по воде густой дым из труб препятствовали чёткому наблюдению. На самом деле «Гебен» в момент получения попадания уже развернулся на параллельный курс и изготовился к открытию огня, о чём свидетельствует рапорт командира дредноута[12].

Таким образом, первый залп «Евстафия» и его попадание пришлись исключительно вовремя, задав тон всему событию. Если бы адмирал Эбергард промедлил хоть ещё минуту, дожидаясь выстраивания всей своей боевой линии, он рисковал получить с неприятельского дредноута сокрушительный полный бортовой залп, который, принимая

во внимание умелую стрельбу немцев, мог привести к катастрофе русского флагмана[13].

Пока же ситуация оборачивалась для них проблемами, хотя поначалу на «Гебене» попадание не произвело большого впечатления. Из отчёта командира дредноута капитана-цур-зее (аналог русского капитана 1 ранга) Р. Аккермана следует, что «*попадание снаряда и его разрыв были восприняты в большинстве других помещений ... не иначе, как выстрелы наших собственных орудий*»[14]. Тем не менее, этот снаряд наделал много бед. Попадание пришлось в 150-мм броню третьего (считая с носа) каземата 150-мм орудия по левому борту, разрыв, по мнению немцев, произошёл во время прохода снарядом броневой плиты, так что внутрь вошёл только форс осколков его головной части. Они «*снесли несколько палубных бимсов и угольную шахту ... Заряды воспламенились, тыльная переборка получила сильное выпучивание, а в двух местах напротив места разрыва была разорвана. Вследствие детонации трёх фугасных снарядов и сгорания 16 зарядов образовалась пробоина в палубе площадью 1 кв. метр, верхняя палуба вспучилась. Крышки двух угольных горловин в верхней палубе и трёх в каземате выбиты. В каземате в продолжении около пяти минут свирепствовал сильный пожар, сопровождаемый свистящим шумом...*»[15].

Самой большой бедой, чреватой, в самом худшем случае, гибелью всего корабля, был прорыв форса пламени вниз по шахте подачи боезапаса в артиллерийский погреб, где хранилось около 250 снарядов и 250 зарядов (порядка 3,5 т. пороха)[16]. Это был общий погреб орудий № 3 и № 4 левого борта. Всё произошло настолько внезапно, что о затоплении погреба речи не шло, да и в магистралях затопления не было ни воды, ни давления. Пламя опалило внутреннюю часть погреба, который наполнился густым дымом, а также людей в нём, которым, однако, удалось уцелеть и выбежать вон, хотя многие получили серьёзные ожоги и отравления газом. Далее пламя проникло вверх по элеватору в смежный каземат № 4, который также «*наполнился... ядовитым дымом настолько густым, что не было видно рук, поднесённых к глазам, и каземат пришлось оставить*». На пятерых артиллеристах из этого каземата через несколько часов сказались последствия отравления газами, двое из них умерли.

Также, через разорванную палубу каземата и его тыльную переборку, пламя, дым и газы проникли в угольный бункер под казематом и продольный коридор за ним, где загорелись электрокабели и окраска. Пламя и дым, распространявшиеся под большим давлением, по переговорной трубе достигли даже центрального артиллерийского поста, трубу сразу заглушили. Из-за поражения осколками электромагистрали большинство из её 26 кабелей были перебиты, освещение по левому борту потухло, электроприводы элеваторов казематных орудий и вентиляторов всех помещений большого отсека VIII и казематов № 1, 2 и 3 остановились, отсек погрузился во тьму. Переносные аккумуляторные фонари аварийных партий, тушащих пожар, не пробивались через плотный дым. Из погреба 150-мм боезапаса дым и газы по вентиляционной магистрали проникли в пороховой погреб 11-дм башни правого борта, а небольшое количество и выше, в погреб 11-дм снарядов. Подбашенный и рабочий отсеки башни задымлены не были, однако перебоев в её стрельбе, по всей видимости, избежать не удалось.

С учётом вышеописанного, события на «Гебене» могли развиваться следующим образом. Пока аварийные партии боролись с огнём и ядовитым дымом в поражённом районе корабля, его тяжёлая артиллерия продолжала посылать снаряды в «Евстафий», а командование линейного крейсера уточняло обстановку на борту по докладам с боевых постов. Ситуация складывалась сложная. Первым же снарядом русским удалось не только уничтожить каземат вспомогательного орудия, но и создать опасный пожар в артиллерийском погребе его и соседнего с ним орудия. Оказалась выведенной из строя подача боезапаса ещё к трем 150-мм орудиям левого борта, обесточена немалая часть освещения и вентиляции (без света осталась вся вспомогательная артиллерия набойного борта), создана угроза вывода из дела одной башни главного калибра. Несколько электрокабелей и питательных труб в ближайшем котельном отделении также были повреждены осколками. Русский флагман, хотя накрытый через 2 минуты третьим залпом «Гебена» и получивший попадания, курса не менял, хода не снижал и продолжал поддерживать энергичный огонь по дредноуту[17]. Вслед за ним в дело начали вступать орудия прочих русских линкоров («Иоанн Златоуст» в 12:22, «Три Святителя» в 12:24), вода вокруг линейного крейсера закипела от близких разрывов снарядов[18].

«Гебен», медленно сокращая дистанцию, постепенно обходил голову колонны русских, однако не настолько быстро, чтобы можно было думать о её охвате в течение ближайших 10–15 минут, за которые он рисковал получить ещё немало снарядов. Гамбит, по умолчанию предлагаемый русскими, — додредноут в качестве исходной приманки с готовностью его размена на линейный крейсер, был для контр-адмирала В. Сушона совершенно неприемлем. Поэтому его решение на отход, последовавшее на четвертой минуте боя, совершенно объяснимо, более того — оно являлось единственно верным. «Гебен» был обязан уцелеть как фундаментальный залог продолжения морской войны, стержень всех предстоящих операций, костяк и олицетворение Оттоманского флота, моряки которого, по свидетельству самого «Сушон-паши», абсолютно не рвались в бой[19].

В 12:24, через две минуты после своего первого залпа и через четыре минуты после залпа «Евстафия», давшего такие результаты, «Гебен» резко развернулся на правый борт и, отстреливаясь из кормовых башен, полным ходом начал удаляться[20]. Пожар в каземате № 3 ещё бушевал. Рапорт капитана-цур-зее Р. Аккерман отмечает: «*В самом каземате в тот момент, когда открыли заклиненную дверь и проникли внутрь (через 5 минут после попадания), ещё продолжался пожар, но огонь уже уменьшился, и только останки погибших номеров орудийного расчёта горели или тлели, их быстро потушили. Расчёт каземата, по всей видимости, погиб мгновенно...*»[21]. Радист «Гебена» Г. Копп поделился впечатлениями от посещения этого каземата сразу после боя: «*...В казематах потрясающая картина. Смерть собрала кровавую жатву. Искромсанные, разорванные, лежат несколько храбрецов, другие сидят внешне невредимые, облокотившись спинами о переборки, с тёмно-жёлтыми лицами и руками — воздействие адского пламени. Всё, должно быть, произошло ужасно быстро...*»[22].

Ретирада «Гебена» была сразу замечена с «Евстафия»[23]. Однако вице-адмирал Эбергард продолжал вести свои корабли прежним курсом — отчасти, надо полагать, как бы приглашая противника вернуться, но более вероятно в связи с тем, что его боевая линия была выстроена и готова продолжать бой до конца, тогда как в случае поворота за отходящим противником ему пришлось бы начинать всё сначала. Да и кардинально меньший ход (15 узлов против 24–25 «Гебена»)

не давал шансов на успех преследования. Вдогонку дредноуту выдвинулись было русские миноносцы, но вскоре были отозваны из-за почти исчерпанного в ходе крейсерства топлива[24].

Ретируясь с поля боя, «Гебен» выпустил из кормовых башен 7 снарядов, перед этим в течение четырехминутного нахождения на боевом курсе он израсходовал 12 снарядов. В 12:32 дредноут прекратил огонь[25]. Русские продолжали огонь по противнику до тех пор, пока сколько-нибудь могли различать его во мгле — по свидетельству вахтенного журнала «Евстафия», до 12:40[26]. Всего снарядов было выпущено: «Евстафий» — шестнадцать 12-дм, четырнадцать 8-дм и девятнадцать 6-дм; «Иоанн Златоуст» — шесть 12-дм, двенадцать 8-дм и тридцать 6-дм; «Три Святителя» — одиннадцать 12-дм и двадцать шесть 6-дм[27]. «Пантелеймон» из-за погодных условий устойчиво наблюдать противника не мог и в стрельбе вообще не участвовал.

Основные выводы можно сделать следующие. Постоянно ожидаемая встреча оказалась для противников всё же внезапной, как уже не раз отмечалось исследователями боя у мыса Сарыч 5/18 ноября. Столкнувшись во мгле и тумане на сходящихся курсах, неприятели, тем не менее, успели совершить развёртывание и вступили в дело.

1. Попадание в «Гебен» произошло не во время его начального сближения с русскими, а уже после разворота на боевой курс, который был параллельным и несколько сходящимся. Это попадание следует признать единственным, несмотря на наличие в русских рапортах многочисленных «наблюдений» разрывов на нём[28];
2. Активная фаза боя — артиллерийская перестрелка на параллельных курсах — продолжалась всего 4 минуты. На третьей минуте после своего первого залпа «Гебен» резко отвернул и начал, отстреливаясь, уходить полным ходом.
3. Потери на «Гебене», приводимые в русскоязычных работах о бое 5/18 ноября (115 убитых, 59 раненых), следует признать необоснованно завышенными. Реальная цифра погибших не выходит за пределы двух десятков — все 12 человек артиллерийского расчёта в каземате № 3, а также 4–6 (цифра неточна) прислуги артиллерийского погреба и каземата № 4, скончавшихся после боя от последствий отравления ядовитыми газами;

4. Не выдерживают проверки фактами утверждения германской официальной истории о том, что русские первыми вышли из боя, «*как видение, скрывшись в тумане*», в то время как «Гебен» прекратил огонь по причине плохой видимости: 12:24 «*„Гебен" отворачивает, поскольку противник еле различим*» («*Goeben drecht ab, da der Feind kaum noch auszemachen ist*»)[29]. Здесь просматривается попытка посильно истолковать исход этого спонтанного столкновения в свою пользу. Однако факт того, что именно дредноут первым отвернул и покинул место боя, следует и из свидетельств контр-адмирала Сушона[30], и присутствует как вывод в современной зарубежной историографии[31].

Рассмотрение обстоятельств боя у мыса Сарыч позволяет несколько иначе взглянуть на его ход и итоги. Ретирада «Гебена», по понятиям того времени являвшаяся поражением (поле боя осталось за русскими), со стратегической точки зрения была единственно правильным выходом из сложной ситуации, в которую он попал — отправляясь накануне на охоту за одиночными русскими кораблями, дредноут внезапно столкнулся нос к носу с главными силами противника, только и жаждавшими подобной возможности. Избегнув на этот раз опасности, линейный крейсер ещё несколько лет оставался головной болью русского флота на Чёрном море. Однако, со времени спонтанной встречи у мыса Сарыч, «Гебен» неизменно уходил от ситуаций, когда «русская тройка» пыталась навязать ему решительный бой. Единственная попытка расправиться с ними по частям, предпринятая спустя полгода у Босфора, окончилась для дредноута новыми попаданиями и привела лишь сетованиями германской официальной истории по поводу его безрезультативности.

[1] Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 550. Л. 41.

[2] Guleryuz A., Langensiepen B. The Ottoman Steel Navy, 1828–1923. — Lnd., 1995. — P. 27.

[3] Российский государственный архив военно-морского флота (далее —РГАВМФ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 370. Л. 93.

[4] Brice M. H. S.M.S. Goeben / T.N.S. Yavuz: The Story of the Oldest Dreadnought in Existence — Her History and Technical Details // Warship International. — 1969. — Vol. VI. — № 4. — P. 274.

[5] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 402. Л. 80.

[6] Подгорный Я. К 15-летию боя Черноморского флота с германским линейным крейсером «Гебен» 5/18 ноября 1914 г. // Зарубежный Морской сборник. — 1929. — № 7–8 (сентябрь–декабрь). — С. 23.

[7] Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. — М., 1938. — С. 95.

[8] Groner E. German warships 1815–1945. — Lnd., 1990. — Vol. I. Major surface vessels. — P. 55.

[9] Об этом методе подробнее см.: Бутковский Н. И. Подготовка к бою 5-го ноября 1914 г. // Морской Журнал. — 1930. — № 35 (11). — С. 22–26 (242–246).

[10] Невинский А. М. Бой с линейным крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч // Русское военно-морское искусство. — М., 1951. — С. 412.

[11] Лукин В. К. Бои Черноморского Флота с крейсером «Гебен». Бой 5 ноября 1914 года. По воспоминаниям и донесениям // Морской сборник. — 1920. — № 8–9. — С. 16; Петров М. А. Два боя. — Л., 1926. — С. 23; Пузыревский К. П. Повреждения кораблей от артиллерии и борьба за живучесть. — Л., 1940. — С. 49; Мельников Р. М. Броненосец «Потёмкин». — Л., 1980. — С. 238, 239.

[12] Bundesarchiv/Marinarchiv (далее — BA/MA). RM 3/4717. Bericht über den Kasematttreffer 18 November 1914 [von SMS Goeben Kapitan-zur-see R. Ackermann]. S. 241.

[13] По правилам централизованной сосредоточенной стрельбы, принятым на 1-й бригаде, параметры для ведения огня всеми её

тремя линкорами вырабатывал средний корабль — «Иоанн Златоуст», который в бою 5/18 ноября плохо видел цель и передавал неверные целеустановки. В итоге с «Евстафия» открыли огонь по собственным данным, оказавшимся точными.

14 BA/MA. RM 3/4717. S. 241.

15 BA/MA. RM 3/4717. S. 242.

16 Schiffskunde S. M.S. Von der Tann. — Berlin, 1913. — Band I. Befchreibung. — S. 32; Friedman N. Naval Weapons of World War One. — Barnsley, 2011. — P. 143.

17 Всего в «Евстафий» с «Гебена» было 2 прямых попадания 11-дм снарядов, оба в батарею 6-дм орудий правого борта. Они привели к тяжёлым потерям — было убито 34 (в том числе 4 офицера) и ранено 26 человек. Ещё один снаряд пробил навылет среднюю дымовую трубу, другой разорвался у борта. Оба нанесли осколочные повреждения, потерь в личном составе не вызвали (РГАВМФ. Ф. 418. Оп.1. Д. 5560. Л. 61–72; Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 94–108).

18 РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 385. Л. 45, 57.

19 Из письма контр-адмирала В. Сушона жене, написанного на другой день после боя у мыса Сарыч, 6/19.11.1914 г.: «*...Вообще ничего не могло бы обрадовать трусливых турецких моряков больше, чем если бы уголь подошёл к концу, тогда корабли не должны были бы больше выходить [в море на операции], и они могли бы, как до меня, превосходно спать в Золотом Роге и заниматься „кайфом“, по нашему — „доза“*». (BA/MA. Register № N 156. Estate Admiral Souchon. Brief an seine Frau. Donnerstag, 19 Nov. 1914).

20 U. S. Naval Archives and Records Administration / Records of the German Navy, 1850–1945: KTB (Kriegstagebuch) SMS Goeben, 2 August 1914–31 December 1915. File PG 63187. T1022. Roll 311. P. 25.

21 BA/MA. RM 3/4717. S. 243.

22 Копп Г. На линейном крейсере «Гебен». — СПб., 2002. — С. 42.

23 РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 402. Л. 80.

24 Трубецкой В. В. Бой Черноморского флота с германо-турецким крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. // Часовой. — 1930. — № 34. — С. 14.

25 KTB SMS Goeben. S. 25.

26 РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 402. Л. 81.

27 Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 385. Л. 45, 52, 57.

[28] Так, в рапорте командира «Трёх Святителей» капитана 1 ранга В. К. Лукина об этом говорится: «*Наблюдавшим с фор-марса корабля мичманом Кравковым были замечены попадания: с линейного корабля „Евстафий“ 12-дм в борт у WL под носовой трубой „Селима“, с корабля „Три Святителя“ 12-дм у верхней палубы под кормовой трубой. Вообще попаданий 12-дм (больших взрывов) в „Селим“ заметил пять; попаданий 6-дм было много, преимущественно по кормовой части „Селима“*». (РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 385. Л. 57, 57об).

[29] KTB SMS Goeben. S. 25.

[30] BA/MA. Register № N 156. Estate Admiral Souchon. Brief an seine Frau. Mittwoch, 18 Nov. 1914.

[31] McLaughlin S. Predreadnoughts vs a Dreadnought: The Action off Cape Sarych, 18 November 1914 // Warship 2001/2002. — P. 129; Staff G. Battle on the Seven Seas. German Cruiser Battles 1914–1918. — Barnsley, 2011. — P. 49.